

И почему она так ноет и болит?

Есть план на выходные? Чур «лайки» и «стрелялки» — не в счёт! Свободные деньки нужно посвящать чему-то более высокому, так сказать, одухотворённому. Короче, пока голова-руки отдыхают, должна трудиться душа... Что это такое? О ней все говорят, но никто не видел... Но ты точно почувствуешь её присутствие в себе, прикоснувшись к истории Великого подвига. И помогут тебе в этом наши юнкоры.

Герой, Семёновна и я!

Скорбь, тихое, незащитное чувство вины, горькая обида и... я — все вместе бредём от дома к дому. А мой старший, поношенный ботинок нервно подбрасывает ни в чём не повинные осенние листья. В сумке — баночка мёда. Я несла её своему доброму другу — **Григорию Семёновичу Давыденко**, а его больше нет... Он ушёл, хотя обещал рассказать ещё одну историю. А я дала ему слово привезти от дедушки волшебную баночку сладкого снадобья.

...Последний раз я была у Григория Семёновича в мае, накануне праздника, и в очередной раз смотрела в лицо человеку, который прошёл войну. В выцветших от времени глазах девяностолетнего мужчины читала очередную историю его подвига и удивлялась: сколько пережил — не сломался, живёт и хочет жить!

Усадил меня в своё мягкое кресло, поставил на стол большую кружку, наполненную до краёв душистым травяным чаем, и начал вспоминать. Нет, не про войну: он не любил про неё рассказывать — говорил про свою семью, от которой остался взрослый непутёвый сын да привередливая кошка Семёновна с рыжим пятном около правого уха.

В его скромной квартире на третьем этаже тихо и печально. На столе возле кровати лежат книги, старые журналы «Приусадебное хозяйство» и раскрытый футляр. Очки он держит в руках, переключая из руки в руку, смотрит на меня и в очередной раз рассказывает о своей матушке — доброй женщине, родившей пятерых сыновей. Всех отправила на фронт, но благословила одного — на других не нашлось времени, приходилось много работать. Ему и крестик на память дала, который тот по мальчишеской глупости прятал от чужих глаз, чтобы не засмеяли. А оказалось, материнский оберег спас от верной гибели молодого солдата — выжил только он, четверо где-то похоронены, а может, «просто присыпаны землёй», как говорит Григорий Семёнович... Рождённый на белорусской земле, под Гомелем, он прошёл радистом пол-Европы, победу встретил в Германии, много раз смотрел смерти в лицо.

...Слушаю внимательно, хотя всё это знаю из прошлых рассказов. Улавливаю новые интонации, замечаю, что слеза у Григория Семёновича скатывается на одной и той же истории о погибшем **Алексее Волкове**. Мы вместе пьём чай «за упокой души» его доброго друга из Смоленска, и слёзы, перемешанные с ароматом чабреца, дают облегчение. И так каждый раз: беседа, начатая с воспоминаний о матушке, переходит на истории, которые забыть нельзя и, как говорит Григорий Семёнович, «будят криком по ночам, стучат в окна, ломятся в двери, берут за грудки».

А теперь его нет... Моего доброго друга, к которому я спешила сентябрьским тёплым днём после школы. Он не любил осень, говорил, что в эту пору ему особенно тоскливо. А весной — огород, грядки, шесть соток земли.

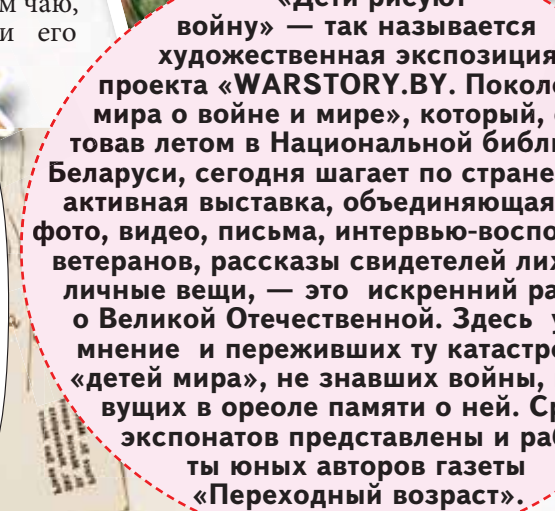
Звонила, стучала в дверь — никто не ответил. На грохот из соседней квартиры вышла женщина и сказала, что неделю назад похоронили моего доброго друга, ставшего мне дедушкой. За ней с радостным мяуканьем выбежала Семёновна — узнала, прижалась к ноге. Я погладила её тощую спинку и ушла...

...Я ещё вернусь к Семёновне, отдам баночку мёда милой соседке, приютившей мурлыку, мы вместе попьём чаю, помянем хорошего человека, настоящего ветерана и его доброго друга из Смоленска...

Ярослава Мурина, г. Гродно.

— Ці ааоў, ёшч
пааі ао ёаоааоі і
і даі ёе Ні рсі і
аі аі паааопааа
а і аеапае ёеааа
ооооу ё епёопааа
са 2015—2016
аі аў?

— Ёо ёі аі а
і а дасаеааропа
аі даааіёу
Аціпааі Аі паааа
паааі і і аі Ні ааа
Ні рсі і аі аі пааа
пааа. І і сі а р, ао
пааае і даааі ааі оі а
і о Ааеадопае —
еі і і сёі о Еаі ду
Ёо: аі і ё н оеёі і
і апаі, і і пауаеі і оо
70-еаоер І і ааау.

Про швейную машинку и Победу

Подмосковье встретило нас проливным дождём. Небо плакало по ушедшему лету, и моя любимая беседка, тёмная и мокрая, глазами-окошками с укором смотрела на приехавших ненадолго гостей.

...Пока родители разговаривали с бабулей о взрослых делах, я, не зная, чем себя занять, обнаружила дверцу на чердак. Первое, что попало на глаза, как только я оказалась в «сокровищнице», — старая швейная машинка. «Ну, — думаю, — упрощу бабулю разрешить мне забрать её в Гродно». Я ведь мечтаю стать модельером, и тут такая находка!

Но, как только я вбежала в комнату и завизжала, что забираю швейную машинку, папа отрезал:

— Нет!

Бабуля смутилась. В её усталых глазах показалась робкая слезинка.

— Зачем тебе, Юленька, ты тоже любишь шить? — спросила она.

Я, расстроенная реакцией взрослых, кивнула и прошептала:

— А почему «тоже»?

— Это машинка твоего прадедушки.

Все замолчали. Ждали, что последует удивительный рассказ. И бабушка продолжила:

— Знаешь, Юля, мой отец, твой прадед, талантливый был человек. Во всём. И жить умел талантливо, и работать, и воевать...

Когда началась война проклятая, нас, детей, в семье было пятеро. Старшему братику — десять. Мне — семь. Младшей сестричке — полгода. До войны отцу про себя и думать было некогда. Как в селе-то работали, вам и не снилось. А он и на поле лучший, и в тракторах пуце других разбирался, и хозяйство у нас было немалое. А ещё отец и кройку с шитьём освоил. Такие нам с сестрой к учебному году платья смастерил — загляденье. Жаль только, мы в них в школу и не пошли. А уж читал сколько! Умная голова, золотые руки, бриллиантовое сердце...

И вот война. Мы тогда в Беларуси жили. Одним из первых, Юлечка, твой прадед пошёл землю нашу защищать. Уж как мы с мамкой плакали. А он сказал на прощание: «Если не я, то кто?»

Воевал отец, как жил: честно, самоотверженно и смело. Дважды был сражён пулей. После второго ранения оказался ненадолго дома. И вот на этой, Юленька, машинке, как только садиться смог, одежду фронтовикам шил. Помню: всю ночь то кроит, то строчит, а мама слезами обливается, на спину его насмотреться не может. А чуть врачи разрешили — снова на фронт.

Так до Берлина и дошёл. Там, рассказывал, едва его фашист не застрелил. Победа уж на носу, дети малые ждут, жена, а он стоит в берлинском переулке лицом к лицу со смертью. И не раз ведь за войну пришлось ей в глаза смотреть. Но тут, когда уже вот-вот... Жить захотелось просто до дрожи, до помешательства...

И вдруг, как в кино, из-за спины отца раздался выстрел — фашист упал. Оказалось, фронтовой товарищ папу спас. Они потом дружили до самого последнего дня. После войны ослаб совсем. Но сядет, бывало, за машинку и строчит. Умилялись мы: мужчина, защитник, воин, а такое увлечение дивное. И ту рубашечку, Юленька, в какой твоего отца крестили, дед сшил. Так и наказал, чтобы внука, ради кого он все ужасы войны перенёс, назвали именем его боевого товарища, которому обязан жизнью.

Тут бабушка замолчала: комок подступил, мешал говорить. Я взглянула на отца. Тот украдкой вытер слезинку. Мама прошептала:

— В той рубашечке, доченька, и тебя крестили. Она хранится у нас, помнишь?

Да, у меня очень хорошая память.

И про своего прадеда я не забуду, и про его друга... И детям своим расскажу, и внукам... А швейную машинку я всё же заберу когда-нибудь. Сохраню её как святую семейную реликвию. И будет она ещё долгие годы напоминать о том, что сшил наш прадед не только рубашечку, в которой нас всех крестили, но и мир на Земле!

Юлия Скользяева, г. Гродно.

тем временем

«Дети рисуют войну» — так называется художественная экспозиция проекта «WARSTORY.BY. Поколение мира о войне и мире», который, стартовав летом в Национальной библиотеке Беларуси, сегодня шагает по стране. Интерактивная выставка, объединяющая в себе фото, видео, письма, интервью-воспоминания ветеранов, рассказы свидетелей лихолетья, личные вещи, — это искренний разговор о Великой Отечественной. Здесь учтено мнение и переживших ту катастрофу, и «детей мира», не знавших войны, но живущих в ореоле памяти о ней. Среди экспонатов представлены и работы юных авторов газеты «Переходный возраст».